

ИНТЕРВЬЮ С ОФИЦЕРОМ НОВОЗЕЛАНДСКОЙ АРМИИ ЛЛОЙДОМ КРОССОМ (LLOYD CROSS)

К началу ВМВ Ллойд Кросс прослужил в армии уже три года. В начале своей карьеры он был откомандирован в качестве кадета в Австралию, в Военный Колледж, находившийся в пригороде Канберры под названием Дантрун (Duntroon). После начала ВМВ Ллойд был возвращен в Новую Зеландию и стал ожидать отправки за океан, но у командования были другие соображения: он был назначен инструктором для недавно записавшихся в армию новичков, изъявивших желание воевать.

Офицеры-инструкторы рвались в бой, но, по счастью, многие из них остались дома на раннем этапе участия новозеландцев в боевых действиях в Европе – в Греции и на Крите, когда британские войска потерпели серьезные поражения и понесли большие потери. Только в 1941 г. Ллойд оказался в составе 2-й Новозеландской Дивизии, сражавшейся в Северной Африке.

Где вы родились и выросли?

Я родился в Данидине, в провинции Отаго, и провел детство на ферме Turuka West. У моего отца была астма, и мы купили дом в горах на юге провинции Кантербери (Canterbury). Здесь я пошел в начальную школу. В то время не было школьных автобусов, поэтому приходилось ездить в школу на лошади – 4 мили туда, 4 обратно. В средней школе мне приходилось нелегко, так как мой самый старший брат был *Head Prefect* (Главный Префект - старшее лицо/староста из числа школьников - ВК), а мой кузен был *Head of the House* (заведующий учебной частью – ВК). В те времена префекты исполняли телесные наказания, и я получал их по полной, потому что мой брат и кузен не хотели, чтобы их заподозрили в фаворитизме. Так или иначе, я окончил среднюю школу, в которой был чемпионом в разных видах спорта.

Был ли у вас интерес к фермерству, когда вы учились в средней школе?

Да, мне нравилось фермерство, но мой старший брат побывал на войне (ЛМВ – ВК), и я решил, что не вернусь на ферму, и записался в армию. Меня отправили в Военный Колледж, в Австралию. Каждый год в этот колледж принимали четырех новозеландцев. Я отбыл там положенное время в 1937-38 гг. - в это время тучи войны уже заволакивали небо. При этом у нас армия сокращалась, и не было обязательной военной подготовки, которая была отменена в 1931 г.

Колледж в Дантруне был основан в 1910 г., и при его создании были использованы лучшие идеи, заимствованные из Сандхерста в Англии, Сен-Сира во Франции и Вест-Пойнта в Штатах. Мы проходили подготовку для службы во всех родах войск: кавалерии, пехоте, артиллерии, инженерных частях, изучали языки, бухгалтерию, математику, прочие науки.

То есть, приходилось довольно нелегко?

Да. Мы называли это «чоканьем». Нам не разрешали употреблять алкоголь, хотя некоторым парням было уже больше 21 года. Курение разрешалось.

Война была объявлена в один из воскресных вечеров, когда я был в увольнительной. Я возвращался из Канберры после небольшой поддачи и не особенно хотел, чтобы меня видели опускающим свою увольнительную в соответствующий ящик. И тут зажглись все фонари и зазвучала оглушающая сирена. Я забросил свою увольнительную в ящик и прошмыгнул на

территорию колледжа. У всех на устах было одно: «Прекрасные новости, объявлена война.» Ну, мы были кадровыми военными, нас этому учили и всё, что мы хотели, было войной. Вообще, если тебя тренируют для игры в регби, ты должен хотеть принять участие в соревнованиях.

То есть, пока сгущались тучи, в колледже надеялись на войну?

Чемберлен сказал, что привез мир на вечные времена, но это прозвучало слабовато. Было немного неожиданно, что войну объявили столь скоро, хотя мы знали, что это произойдет, после того, как они [немцы] вторглись в Польшу. На следующий день по трансляции нам объявили о порядке выпуска из колледжа. Пришел комендант и сказал: «Итак, джентльмены, война объявлена, продолжаем работать в том же ключе, выпуск будет тогда, когда положено, никакого форс-мажора.» Мы закончили учебу 12 декабря 1939 г. и отправились в Сидней. Новозеландцам предстояло отправиться домой морем (пассажирских самолетов тогда еще не было), и мы вернулись в Новую Зеландию на небольших судах типа E52.

Вы успели пройти через все стадии базовой подготовки?

Да мы, прошли через все. Мы вернулись и встретились с GOC, генералом Дайганом (*John Duigan - General Officer Commanding – в странах Британского Содружества – командующий ВС доминиона – ВК*) и спросили его: «Когда мы попадем на войну?» Он ответил: «Война продлится лет 30, у вас будет полно времени, чтобы оказаться там.» Нам показалось, что судя по такому уровню мышления, это не самый умный мужик. Однако мы получили назначения, а офицер никогда не получает место службы поблизости от дома. Меня отправили в Веллингтон, и моими первыми обязанностями стало обучение персонала, отправляющегося за океан.

Как вам нравилась эта работа?

Нас к этому целиком и полностью готовили. Никаких проблем. Мы знали ответы на все вопросы, а эти ребята были совсем новичками. Они пришли отовсюду: это были рабочие с мясохладобоев, стригали, пастухи, фермеры, юристы, бухгалтеры, учителя, дальше по списку. Первым моим заданием было обучение будущих офицеров.

А как в армии решали, кого из новичков обучать в качестве офицеров?

Хороший вопрос. В будущие офицеры брали добровольцев, пришедших из территориальных формирований, или тех, кто до армии был директорами школ. Вообще, выбирали почти наугад. Ну, например, этот парень – юрист из Уаипукурау (*Waipukurau*), был капитаном школьной команды по регби, пошлем-ка его готовиться в офицеры. Парень заканчивает 6-недельный курс обучения и получает звание 2-го лейтенанта. У 2-го лейтенанта испытательный срок – 12 месяцев, потом он автоматом получает две звезды (*звание лейтенанта – ВК*). Новички приходили к нам, мы давали им возможность пройти через определенные испытания, и, если они были спортивными парнями и выделялись из общей массы, мы начинали готовить их к офицерской службе, в противном случае они шли в сержантский состав и т.д.

Глядя в прошлое, как бы вы охарактеризовали себя как офицера? Была ли у вас тяжелая рука? Чувствовали ли вы, что нужно быть довольно жестким к людям?

Нет, не думаю, что это было так. Нельзя допускать никакой расхлябанности и, конечно, нужно опираться на строгий военный регламент во всем. Моей первой работой было обучение офицеров и сержантов для батальона, укомплектованного маори. Поскольку я прибыл из центра провинции

Отаго, у меня не было в прошлом контактов с маори. И вот ко мне под начало попадает примерно 60 парней-маори, да я и имена-то их произнести не мог. Я быстро понял, что маори позволяют давить на себя только до определенного предела, но дисциплину уважают. Они ее признавали, они не возражали против того, чтобы выполнять приказы. Из многих из них получились первоклассные офицеры, одним из них был рядовой Джеймс Хенри, который дослужился до звания полковника в Батальоне Маори и получил звание Сэра – Sir James Henare. Я близко познакомился со многими из них, и мы остались друзьями на всю жизнь.

Итак, можете ли вы сравнить солдата Pakeha (белые новозеландцы – ВК) и Maori (маори) с точки зрения их восприятия военной службы?

Двое других парней из Дантруна имели в подчинении, в основном, белых. У нас были соревнования, и мои парни-маори побеждали буквально во всем. Они были прирожденными солдатами, уровень их подготовки - и боевой, и строевой - был великолепным. Они чувствовали себя на солдатской службе, как утки на воде! Они были исключительно хороши в полевых условиях. Я быстро обнаружил, что у них было сильно развито землячество. Например, Батальон Маори состоял из 4-х рот: рота А: парни *Nga Puhi* (из Окленда) – по кличке *gum diggers*, рота В: парни из племени *Waikato-Tainui*, по кличке *penny divers*, рота С – парни из племени *Ngati Porou* (восточное побережье) – по кличке *cowboys*, рота D – парни из небольших племен с севера, юга, из Таранаки (Taranaki), Веллингтона и Уаирарапы (Waigara). Я обнаружил, что вы можете поставить офицером парня из племени *Ngati Porou* только в роту С, поскольку остальные в сильнейшей степени ненавидели это племя. Они подчинялись офицерам только из своего племени. Большинство офицеров пришло к нам в качестве потенциальных сержантов и были в родстве с *kaumatua* (старейшинами своего племени). В обществе маори иерархичность имеет огромное значение. То есть, если ты сын вождя/старейшины, у тебя есть некоторое преимущество перед парнем, который таковым не является. Это правило имело значение для всего Батальона Маори.

Можете ли вы подтвердить, что этих парней вам было обучать интереснее, чем белых, потому что их личностные качества были чем-то новым для вас?

Нет, мне было столь же интересно обучать своих соотечественников-киви, которые не имели отношения к маори. Просто так случилось, что я оказался там, где формировался Батальон Маори. Вообще, я был недоволен собой все это время: я хотел попасть на войну и ненавидел тот факт, что меня задержали здесь в качестве инструктора. Обучив три волны офицеров и сержантов, я получил назначение на должность Территориального Офицера (*Area Officer*) в место под названием Уангануи (Wanganui) на западном побережье. Здесь в вербовочный пункт каждый день приходили добровольцы. Они проходили медицинское обследование и получали направление в город Трентэм (Trentham) для прохождения боевой подготовки.

То есть, работа инструктора был вам в тягость?

Да, когда я был выпущен из Дантруна, началась война, и на всю новозеландскую армию было 84 кадровых офицера и 300 военнослужащих прочих званий. Территориальные подразделения были сокращены до минимума, и вместо предполагаемых 800 в них было только 200 человек. Многие парни вступали в территориальные подразделения только для того, чтобы получить винтовку и охотиться с нею на диких свиней. Армия просто распалась.

Можете ли припомнить какие-то моменты, когда парни вели себя слегка неподобающим образом?

Помню, пришла группа добровольцев из городков Хокс Бэй (Hawkes Bay), Толага Бэй (Tolaga Bay), Гисборн (Gisborne), Уаироа (Waikato), Хастингс (Hastings) и Напиер (Napier). В 9 утра они сошли с поезда, хорошо отметив последние несколько дней вольной жизни. Некоторые были пьяны в стельку. Попытались построить их в три колонны для того, чтобы отвести в лагерь, но все было бесполезно. Я начал вести себя жестче, но кто-то из парней вякнул: «А ты что еще за хрен с горы?» Я ответил: «Утром узнаешь.» Ну, разбудили их в 5 утра и дали хорошую пробежку.

Работая инструктором, посылали ли вы рапорты об отправке за океан?

Каждый раз, встречаясь с генералом Дайганом, я спрашивал его об этом. В июле/августе 1941 г. я получил соответствующий приказ и отправился на судне *Aquitania* на Ближний Восток, чтобы присоединиться к 22-му Батальону Новозеландской Дивизии. К этому времени ребята из этой части успели повоевать в Греции и на Крите. Я оказался в 9-м взводе веллингтонцев. Классные ребята там были ...

Они все были ветеранами боев на Крите?

Нет, где-то 50 на 50. В дивизию пришло несколько волн подкреплений, затем был разрыв, потому что сформировали 3-ю Дивизию и послали на тихоокеанский театр, и мы перестали получать подкрепления. После падения Сингапура мы стали получать почту 3-4-хмесячной давности, и подкрепления перестали прибывать совсем.

Были письма из дома важны для поддержания должного настроения?

Да, некоторые из парней были женаты, имели детей, другие помолвлены и хотели знать, остаются ли эти отношения в силе.

Какими были ваши первые впечатления от Египта?

Когда мы дошли до южного окончания Суэцкого канала, первое, что сразило меня, это вонь. Это была смесь запахов от плохой гигиены, марихуаны и канализации. Там были миллионы людей, и многие из них пытались продать нам всякую дрянь и отвратительную еду.

Я полагаю, что вы у вас должно было подняться настроение по прибытии в Египет после долгого ожидания и разочарования от того, что вы застряли в Новой Зеландии. Вы были готовы к боевым действиям?

Да, я был готов к бою. Я получил под начало 9-й взвод роты А и быстро понял, что стандарты, к которым привык в Дантроне, не соответствует стандартам, которые характерны для дисциплины и солдатской рутины, типичной для группы добровольцев. Мне также пришлось учиться у ребят, которые прошли через Крит. Я к ним прислушивался. Это было командным усилием: кем бы ты ни был, мы спали вместе, ели вместе, готовы были вместе умереть. В нашем взводе было такое правило: офицеры приходят есть последними, и, если ничего не останется, офицер уходит голодным. Если ты в увольнительной, то можешь поесть в офицерской столовой, в любом другом случае ты ешь со своим взводом или ротой.

Ваши рота и взвод были хорошими командами?

Да, и все было очень неформально, поскольку мы жили, воевали и умирали вместе. Офицера редко звали «сэр», обычно говорили «босс».

Вы можете рассказать о своем первом боестолкновении с немцами/итальянцами?

Нас послали к пункту Мерса-Матрух (Mersa Matruh), чтобы заблокировать порт. Немцы не знали, что мы перерезали дорогу. Наши взводы были по обе стороны дороги, когда появилось 8 немецких машин. Мы обстреляли их, перебив всех немцев.

В другой раз появились три танка. Два немецких танка открыли огонь. Наши снаряды отлетали от их брони, но мы подбили два из трех из наших двухфунтовок. Был еще один метод борьбы с танками: использование «липких бомб» (*sticky bombs*). Выдергиваешь чеку, прилепляешь бомбу к танку, и через 4 секунды он взрывается. Эти бомбы оказались бесполезными, поскольку было крайне трудно приблизиться к танку на нужное расстояние. В итоге, мы все эти бомбы закопали. Вообще, мы были беззащитными против танков. В одно утро мы как-то потеряли 400 человек из нашего батальона, поскольку у нас не было поддержки танками.

А эти три танка какой-нибудь урон нанесли вашему взводу?

По счастью, нет. Это был короткий бой, который длился всего 15 минут.

Что вы чувствовали, в первый раз попав на линию огня? Возбуждение? Страх?

Да, почувствовал приток адреналина, но страха не было. Какие-то ситуации бывают хуже других, в некоторых ситуациях у меня сохло во рту. Чувствуешь страшную жажду, но у тебя есть работа, и ты должен ее делать.

На ранних стадиях Войны в Пустыне, казалось, Роммель побеждает нас снова и снова. Почему это происходило, как вы думаете? Можете ли вы припомнить бои, в которых вы уступали из-за некомпетентности руководства и плохой стратегии?

Мы не атаковали всей дивизией, нас дробили на части и передвигали туда-сюда. У Роммеля было две бронетанковые дивизии. Он мог бросить их в бой против бригады или части меньшего размера – справиться с такими для него не было проблемой. Такой успех сопутствовал ему потому, что он был мобилен и наносил более слабому оппоненту мощные удары.

Одна такая катастрофа случилась во время 2-й Ливийской Кампании. Мы продвигались без особых проблем, но неожиданно попали под обстрел. Залегли. Между нами рвались снаряды, но, оказалось, по нам стреляли свои же – 4-я Индийская Дивизия. Должно быть, немцы наблюдали за этим с большим интересом. С нами было подразделение 25-фунтовых гаубиц и 5-го Полевого Полка, они открыли встречный огонь. Индийцы проснулись, поскольку расслышали знакомый им грохот 25-фунтовок. И тут немцы атаковали нас со стороны Бардии. Мы запрыгнули в свои грузовики и дали деру изо всех сил, ну и потери понесли немалые. Добрались до форта Капуццо (Capuzzo) и встретились там с 28-м Батальоном Маори и 23-м Батальоном (23rd South Island Battalion). Наш полковник Эндрю (Andrew - 22-й Батальон) взял всю бригаду под свою команду, а его заместитель возглавил батальон.

Мы пробыли там какое-то время, и, казалось, попадали под обстрел каждый раз со стороны перевала *Hellfire Pass* (англифицированное солдатское название перевала *Halfaya*, созвучное оригиналу – ВК), когда садились есть. Потом, в один прекрасный день, немецкий броневладелец промчался мимо нас и обстрелял наши позиции из пулемета. Один из моих

парней, вооруженных противотанковым ружьями *Voys*, был отличным стрелком, но в тот самый момент занимался чисткой и смазкой разобранного ружья. К моменту, когда он снова собрал ружье, немцы уже скрылись. Вообще, против танков *Voys* был совершенно бесполезным.

Вечером того же дня мы тронулись в путь. Мы толком не знали, куда идем: связь была очень плохая. Мы прошли мимо Тобрука и все еще не знали, куда движемся. Наш ротный командир приказал нам остановиться на ночлег около 5 утра. Дело было в середине зимы, было дьявольски холодно, и хотя на нас было все, что возможно: форма, кожаные крутки, шерстяные подштанники – все равно мы мерзли. Ротный сказал нам: «Идем на Газалу (это была всего лишь точка на карте – LK), и, если там противник, мы атакуем его, разгромим, а потом позавтракаем. Если пункт еще не занят никем, мы займем его и тогда позавтракаем.» Мы добрались до Газалы, и тут пули стали хлестать по нашему грузовику. Мы спрыгнули на землю и залегли. Я и другой взводный командир поползли в сторону ротного, который к тому моменту уже взял у своего старшего сержанта штык и начал окапываться, крича: «Прижмитесь к земле! К земле! Иначе вас убьют!» Мы сказали друг другу: «Забыли про него» и оставили его в покое.

Мы снялись с места со своими двумя взводами, двинулись вперед и вскоре увидели, что другая рота развернулась в боевой порядок и продвигается с том же направлением. Мы развернулись в одну линию с ними и стали продвигаться, пока не набрали в какое-то плато, которое переходило в большое понижение в рельефе. Мы увидели, что две остальные роты залегли, и мы тоже прижались к земле. Напротив нас были немцы – мы насчитали 16 вражеских полевых орудий. Залегли мы в небольшой низине, поэтому когда противник начал стрелять по нам, его снаряды падали с недолетом. Так или иначе, мы остались без завтрака ... потом без ланча ... а потом и без ужина! Я послал своих парней назад по всем возможным направлениям, другой командир взвода сделал то же самое. Послали их искать нашего долбаного ротного командира, который оставил еще один взвод под командой капрала. Так или иначе, мы были страшно голодны! Ночь была настолько холодной, что мы не могли спать и вместо этого копали траншеи и укрепляли свои позиции.

Утром нам удалось вступить в контакт с заместителем командира роты, который спросил, куда мы пропали. Выяснилось, что командир роты даже не послал никого искать нас, хотя был всего лишь в 500 ярдах позади нашей передовой линии. В итоге, через три дня мы получили письменный приказ смещаться вправо и обойти с фланга укрепленную позицию немцев.

Артиллерия должна была открыть огонь в 6.30 утра. Пулемет должен был открыть огонь с левого фланга, за ним - минометы, - все непосредственно перед тем, как нам идти в атаку. Другой взводный сказал: «Я ему дам знать, чтобы катился к черту с такими приказами». - «Хорошо, - подумал я, - у меня приказ, поэтому я лучше буду ему следовать.» Подошло время начинать, стало светать, никаких признаков артподготовки не было и в помине. И вдруг раздался свист снарядов. Наши пушки выпустили по четыре снаряда – по одному на ствол - и замолчали. Я подумал: «Да пошло оно все к дьяволу!». Хотя я был вне себя от всего, что происходило, я был полон решимости пойти в бой и сказал своим парням: «Взвод, вперед!» Мы поднялись и пошли в атаку. Я насчитал восемь пулеметов, в секторе обстрела которых мы находились. Где-то через 100 ярдов я заорал «ЛОЖИСЬ!». Три раза мы поднимались в атаку, и три раза оказывались под убийственным огнем противника. Нас прижали к земле, и я подумал: «Если я двинусь дальше, то потеряю весь взвод...» Нужно было предпринимать тактический отход. У меня было три отделения, отходили мы так: два отделения ведут прикрывающий огонь, третье отходит, и так далее, сменяя друг друга. Наш постоянный огонь не давал *гуннам* (*Hunn* - кличка немцев, более

типичная для периода ПМВ – ВК) поднять голову, и мы не потеряли ни одного человека убитым, только двое были ранены. Слава Богу! Однако, я был разочарован. Позднее я узнал, что минометы открывали огонь, но выяснилось, что их дальность стрельбы была недостаточной для того, чтобы накрыть позиции противника. Связи толковой не было. Когда пулемет открыл стрельбу, выяснилось, что мы находимся как-раз вдоль траектории огня, поэтому они и прекратили стрельбу, а артиллеристы выпустили всего четыре снаряда!

Была ли эта ситуация обычным делом?

Ну, дела обычно идут не так, как хочется, но, в данном случае, все не должно было быть настолько неправильно. Все было следствием некомпетентности ротного командира, у которого вообще была кишка тонка. Мой сержант пошел к полковнику Эндрю и сказал следующее: «Избавьтесь от этого ротного, или мы сами от него избавимся.» Полковник знал о его некомпетентности и ответил так: «Я жду шанса, чтобы удалить его.» В итоге, этого парня просто отправили домой.

Он так ни разу не появился рядом с нашим взводом. Эту позицию, которую я пытался атаковать со своим взводом, на следующий день пытались взять поляки, и их просто перестреляли. И нас бы перебили, если бы мы продолжили идти вперед. Еще бы, у нас было никакой броневой поддержки!

Какой этап боев был самым ожесточенным? Какое столкновение с немцами было самым трудным?

Эль-Аламейн. В боях за гряды Рувейсат (Ruweisat) я не участвовал, потому что меня укусил комар.

Каким было ваше участие в сражении за Эль-Аламейн?

Рота D (*Taranaki*) была переформирована, и с ней я пошел в бой. Началось наступление, и мне пришлось взять всю роту под свою команду. Мы достигли первой цели с существенными потерями. Бой был ожесточенным, и это была наша первая настоящая ночная атака. Тем не менее, можно было оставаться уверенным в том, что нас поддержат танки. Фрайберг (*Bernard Cyril Freyberg – командующий 2-й Новозеландской Дивизией - ВК*) добился того, чтобы под его начало была передана британская 9-я Бронетанковая Бригада. Эти парни были рады тому, что сражаются вместе с новозеландцами, и даже нарисовали лист папоротника на своих машинах.

Что вы можете рассказать о подготовке к сражению у Эль-Аламейна?

Поскольку это была наша первая ночная атака, мы серьезно готовились к ночному бою. Мы отработали ситуацию с потерей 10 офицеров и заменой их сержантами, затем – ситуацию, в которой выходят из строя сержанты и их меняют капралы и так далее. То есть, были ребята, готовые вести за собой других. Все должно было пойти, как по маслу, при условии, что все будет сделано вовремя. Артиллерия начинает стрельбу и создает огневой вал (*Creeping Barrage*). Идея огневого вала заключается в том, что ты продвигаешься вслед за разрывающимися снарядами. Когда разрывается снаряд 25-фунтовой гаубицы, шрапнель летит, в основном, вперед. Ты можешь идти вслед за валом на расстоянии примерно в 40 ярдов. Предполагалось, что мы будем наступать таким образом и навалимся на гуннов до того момента, когда они придут в себя и поднимут головы. Мы практиковались в этом и точно знали, что делать.

Ну и как парни на это реагировали?

Им нравилось. Наконец-то мы были во всеоружии.

Была у нас и встреча с Монтгомери. Подъехал к нам джип: в нем сидел Фрайберг и с ним какой-то смешной маленький дядька в шортах до колен и гольфах до колен. На нем была австралийская шляпа, на шляпе – новозеландская кокарда. Одет он был в свитер из овечьей шерсти, что было необычным для новозеландцев. Так или иначе, он подошел к моему сержанту Перну (Pern) и спросил: «За что ты получил свою DCM (*Distinguished Conduct Medal – Медаль за Отличие – ВК*). Перн ответил: «За гряде Рувейсат» (*в июле 1942 г. в ходе ожесточенных боев союзные войска, преимущественно новозеландцы и индийцы, отбили у войск Оси позиции на гряде Рувейсат (Ruweisat) югу от станции Эль-Аламаейн – ВК*). Далее разговор шел таким образом:

- А кем ты был на гражданке?

- Я фермер, сэр.

- А где твоя ферма?

- Таихапе (Taihape), сэр.

- А где находится Таихапе?

- Ну, вы знаете *King Country* (район к северу от Веллингтона – ВК)?

- И где находится *King Country*?

- Не знаете? На север по *Main Trunk* (магистральная железная дорога - ВК)?

Монтгомери махнул рукой и ушел, а мой сержант повернулся ко мне и сказал: «Чё не так с этим тупым козлом (*stupid bastard*) - даже не знает, где находится Таихапе?» Такой была моя первая встреча с Монтгомери. Он бы шоуменом, который знал, как завоевать популярность. И при этом он даже пытался лишить нас ромового пайка! Это было шоком, но он так просто не отделался.

Каким был размер ромового рациона?

Ром прогревает тебя изнутри. Некоторые говорят, это придает тебе храбрости. Вообще, это очень крепкий напиток, при этом 100%-ный алкоголь разбавляют в пропорции 1 к 10. Нам выдавали по унции на человека. Один парень, который раньше вообще никогда не пил, перед наступлением проглотил сразу две нормы и совершенно опьянел. Он ходил кругами, вообще стоять не мог. Наверное, он прошел двойное расстояние, прежде чем добраться до линии начала атаки. И его оставили сзади по причине «физического истощения» - я не вовсе не шучу!

Солдаты Батальона Маори исполняют боевой танец хака в североафриканской пустыне
(https://en.wikipedia.org/wiki/M%C4%81ori_Battalion#/media/File:E_003261_E_Maoris_in_North_Africa_July_1941.jpg)

Что вы чувствовали за час до атаки?

Я был занят, мне нужно было дело делать. Все проверить, чтобы не было никаких проблем в бою. Самым худшим было само ожидание ...

Какой была последовательность событий в сражении у Эль-Аламейна?

Сначала мы были полностью оглушены грохотом артиллерии. Каждое орудие 8-й Армии открыло огонь. К бою готовились 8-я и 9-я дивизии австралийцев, 2-я дивизия новозеландцев, 1-я и 2-я дивизии южноафриканцев, 4-я дивизия индийцев и 51-я дивизия горцев (*51st Highland Division*). Новозеландская дивизия оказалась единственной из всех, достигшей своей цели в первую же ночь. Оззи (*австралийцы - ВК*) сделали потрясающий рывок вперед в следующую ночь, добравшись до своей цели, за ними последовали горцы, потом южноафриканцы. До окончания артподготовки мы проходили 100 ярдов каждые 6 минут. Таким образом, 21-й Батальон прошел первые 100 ярдов, затем 22-й и 23-й прошли через их позиции и продолжили марш на гряде Митейрия (*Miteiriya Ridge*). Парни из 23-го не рассчитывали выполнить свою задачу так быстро, но им это удалось. Они миновали нас, затем пару раз попали в зону огневого вала и понесли потери. В резерве был 28-й Батальон Маори, который тоже пошел в атаку. Наибольшее впечатление у меня оставил артобстрел. Орать приходилось так, что голова слетала с плеч. Испарялась роса, и вместе с дымом разрывающихся снарядов это создало смог. Трупный запах был повсюду. Фильмы, такие как *Saving Private Ryan*, не могут этого передать ...

Сколько ярдов вы прошли в первую ночь наступления?

500.

В какой момент всего сражения вы испытали наибольший страх?

Когда добрались до цели.

Охарактеризуйте уровень сопротивления, который оказал противник.

У немцев оборона всегда была в несколько эшелонов. Ты никогда не знал, где у них передовая. У них мог быть укрепленная точка, затем еще одна, потом еще одна. Ты можешь зачистить передовую линию и понадеяться на то, что дело сделано, но нет – дальше будут еще оборонительные полосы. Было у немцев слабое место: их пулеметы выпускали 1 трассирующий патрон из 10, и это давало возможность точно определить, где находится огневая точка. Исходя из этого, мы заводили половину отделения им за спину и отстреливали пулеметчиков. У немцев в этом плане ничего не изменилось вплоть до конца войны.

Североафриканская пустыня. Новозеландцы в атаке.

Приходилось ли вам вступать в рукопашный бой, если вы натыкались на пулеметные гнезда?

Ну да, стрелял в них с пяти ярдов, потому что немцы не хотели поднимать руки. Стреляй сразу, другого шанса может и не быть.

Что вам более всего запомнилось в боях, в которых вы принимали участие?

То, что мне везло.

Опишите ситуации, в которых вам везло.

Ну, как-то на мину налетел. Непосредственно перед Эль-Аламейном, там, где немцы предприняли свою последнюю попытку контратаковать на юге эль-аламейнского периметра. Саперы укладывали минное поле, и нас послали прикрыть их огнем. На другое утро нам приказали окопаться и вступить в бой под командой Бригадира Киппенбергера (Kirpenberger). Мы потеряли целое отделение после того, как нас атаковали немецкие танки при поддержке пехоты. Я уже было подумал: «Вот и конец пришел.» Наша артиллерия вступила в бой, нащупала дистанцию, потом прилетели бомбардировщики *Boston* и стали бомбить немцев. Их атака была остановлена, так мы были спасены. В ту же ночь нам приказали отступить, иначе у немцев был хороший шанс смять нас. Снялись, и тут наш грузовик увяз в песке. Откопались, двинулись дальше и наткнулись на проволочное ограждение на границе минного поля. Было очень темно, легкий туман висел. Я сказал: «Стой, тут проволока.» Вместо этого водитель дал газу, налетел на проволоку, и все, что я помню, это взрыв и пробуждение в раю. Слышу, как птички поют, и думаю: «Прекрасно, что я попал в рай.» Тут я почувствовал, что мои ноги на месте, а все что вижу – звезды над собой. Водитель был убит, всю переднюю часть грузовика разнесло. Мой взвод был в кузове, и только несколько парней были ранены. Ну что, пошли своим ходом туда, куда нам нужно было вернуться. На следующее утро полковник Рассел (Russel) подъехал к нам, поблагодарил за вчерашние действия на передовой, угостил меня виски и уехал. Через час он погиб на том самом минном поле, где подорвались мы. Он попытался помочь кому-то на застрявшей британской машине, наступил на мину и был разорван в клочья ...

Может ли вы охарактеризовать следующий этап Эль-Аламейнской битвы со своей точки зрения?

По ночам, на марше, мы были заняты тем, что пристально всматривались в темноту. Ждали пулеметных очередей, надеялись, что под ногами не окажется мины-лягушки. Наступишь на такую, она взорвется в трех футах над землей. Ее корпус был набит металлическими шариками – если ты находишься в радиусе 15 ярдов, тебя точно зацепит.

Вам приходилось видеть, как они взрываются?

Да, но, по счастью, я не был в числе пострадавших. Один из офицеров получил несколько шариков в ягодицы, но выжил. Однако в Италии он наступил еще на одну и погиб. Многих наших парней спас морфин. Я нес собой шесть бутылочек морфина, раненым делал уколы. Часто человека убивает шок, а не полученная рана ...

Опишите ситуацию на поле боя после первой ночи сражения.

Пришел рассвет, мы были готовы к контратаке противника. По счастью, подошли наши танки. Предполагалось, что они подтянутся, но по пути их атаковали немецкие пикировщики. На следующий день полковник Том Кэмпбелл (Tom Campbell) приказал мне взять с собой роту, пройти через позиции Батальона Маори и выдвинуться вперед для того, чтобы прикрыть саперов, укладывавших напротив нас минное поле. Ну, мы выдвинулись, саперы начали минирование, и тут они увидели, что немцы тоже закладывают мины напротив нас. Вообще, минными полями покрыли весь Египет.

5 октября 1942 г. Похороны умерших от ран новозеландцев близ перевязочного пункта. В центре – католический священник Форсмэн (Forsman)

Были ли польза от этих минных полей?

Да, это было оборонительное препятствие. И так, я прикрывал наших саперов, немцев прикрывали их танки. Мы слышали рев их моторов и грохот гусениц. Я хорошо видел немцев, укладывающих мины. Мы не открывали огонь, потому что в этом случае под огонь могли попасть наши саперы. Время шло, я подобрался к майору Скиннеру (Skipper), командовавшему саперами, и сказал, что мы не собираемся оставаться здесь при полном свете дня, и спросил, не нужна ли помощь. Помощь им была не нужна, поэтому мы отошли назад, и, как только мы прошли через позиции Батальона Маори, наши пулеметы открыли огонь. Про саперов просто забыли ...

Было ли Эль-Аламейнское сражение самым ожесточенным из тех, в которых вы участвовали во время войны?

Нет.

Каким он было по сравнению со сражением за Кассино?

Кассино было самым выдающимся по обилию грязи: было сыро, холодно и мерзко.

Эль-Аламейнское сражение продолжалось две недели. Какую долю из этого времени вы провели на передовой?

После того эпизода с прикрытием саперов нас на следующий день отвели от передовой. Мы задержались и приготовились к прорыву. То есть, за артобстрелом следует атака, следующая пара дней – собачий бой, прорыв – это когда ты пробиваешься через линию обороны противника. И так, нас отвели. Мы были целиком и полностью в бою, когда шел прорыв. Итальянцы стали сдаваться тысячами, немцы стали отступать. Добрались до места под названием Дама (Dama) и обошли с фланга 5-ю Бригаду немцев. Мы намеревались отрезать им путь к отступлению, но тут начался дождь. Мы не могли больше продвигаться дальше, и они ускользнули ...

Вы можете описать сцену после битвы? Взорванные танки? Трупы?

Да, трупы ... постепенно их захоронили. Представители Комиссии по Военным Захоронениям (*War Grave Commission*) присутствовали там, где предполагалось погребение убитых. Мы хоронили своих так: втыкали винтовку штыком в землю и вешали на приклад каску. Меня сопровождал солдат из Батальона Маори, когда мы нашли несколько убитых солдат противника. Я приказал ему похоронить этих троих. Он вырыл яму глубиной в фут. Вонь от человеческого трупа гораздо хуже, чем вонь от трупа любого убитого животного. Закопали, но все еще чувствовали запах. Тогда он нашел в одном из разбитых итальянских грузовиков одеколон и вылил его на могилу, чтобы заглушить вонь ...

Что было вашим самым жутким опытом во время Войны в Пустыне?

Момент, когда я подумал, что попал в рай.

Какова была ваша роль в боях за Кассино?

Мы находились в составе Бронетанковой Бригады, и я командовал Ротой Поддержки (*Support Company*), на вооружении которой были пулеметы, минометы и тягачи с противотанковыми пушками. Танки не могли принимать участия в боях из-за распутицы и из-за непрерывных бомбежек города. Когда улучшилась погода, мы смогли переправиться через реку Рапидо и пойти в наступление. Кассино был превращен в щебень. Стояла вонь, потому что о захоронении трупов никто не побеспокоился. Вообще, 22-й Батальон не участвовал в атаках на Кассино, мы просто заняли его и потом удерживали.

Вы можете описать самый ожесточенный бой в Италии?

В Италии нам все время приходилось атаковать. Река за рекой, река за рекой. Бои были более ожесточенными, чем в Египте.

Может ли вы сравнить немцев, против которых вы сражались в Египте и в Италии?

Разные немцы. Немцы в пустыне были уверенными в себе, ими хорошо командовали. В Италии враг казался более фанатичным, а нацисты – не такие уж и хорошие парни ...

Эпизод боев при Монте Кассино. Январь 1944 г. Новозеландские солдаты прочесывают развалины в поисках немецких снайперов (<https://au.pinterest.com/pin/523473156663829581/>)

А их тактика сильно изменилась?

Первые 12 месяцев в Италии немцы держались крепко. Последние 6 они продолжали сражаться, но, я думаю, они знали, что война проиграна. Некоторые сдавались быстрее, чем в предыдущие 12 месяцев.

Расскажите, как вы приняли капитуляцию у генерала (ошибка в звании, см. ниже – ВК) Ригеле (Rigele)?

Дойдя до Триеста, мы вышли на городскую площадь. Полковник приказал мне продвинуться вперед и захватить замок *San Quisto*, но путь к замку обстреливали со всех сторон, добром бы это не кончилось. Немцы не стали бы сдаваться югославам, они их не признавали за *армию*. Мы одолжили броневичок, добрались до замка и вступили в контакт с немецким командующим. Он сказал, что ни за что не опустит мост. Я взял свою роту, несколько танков, они приблизились к замку. Тут немцы и опустили мост. Мы и югославы вошли в замок, они принялись добивать раненых немцев ... Короче, полная капитуляция. Немцы сложили оружие, мне достался *Люгер* (Luger), но я потом продал его какому-то американцу, потому что им всегда хотелось раздобыть это оружие.

У немецкого командующего были звучное звание и имя: вице-адмирал Ригеле (*новозеландец переоценил звание Херманна Ригеле (Hermann Rigele - 1891-1982), который был человеком в возрасте, выглядел солидно и на тот момент был комендантом порта Триест в звании Fregattenkapitän – ВК*). Поговорили с ним, и он сказал, что уже во второй раз в жизни ему приходится капитулировать. Он отдал мне свои часы, автомобиль и радиоприемник. В прошлом он бывал в Новой Зеландии 4 или 5 раз во время службы в немецком флоте. Говорил, что ему понравилась Новая Зеландия, а американцам он ни за что не сдался бы. Вообще, отличный был

парень. Потом наступил вечер, мы не могли раздобыть себе никакой еды, и пришлось просить немцев накормить мою роту.

Статья в британской газете, оповещающая читателей о капитуляции гарнизона Триеста
(<http://www.betforassociation.org/Betforliberation.html>)

Ну а ваши парни как общались с немцами?

Конечно, по-хорошему, их ведь немцы накормили. Мой сержант подошел ко мне и сказал: «Некоторые немцы надрались.» Я передал это адмиралу, он наорал на своих, и все уgomонились. На меня произвела глубокое впечатление немецкая дисциплина, даже после капитуляции. Я как-то сидел за столом с немцами, у нас было что-вроде дискуссии, и я спросил: «Для чего вы, немцы, начали войну?» Они ответили: «Не мы ее начали, а вы.» Технически они были правы, поскольку они вторглись в Польшу, а Англия объявила им войну. Вообще, это был вопрос о том, что имеется в виду и как это воспринимать ...

Новозеландцы общаются югославскими партизанами. Триест, 4 мая 1945 г.

Что было самым страшным в Италии?

Таких моментов было много. Самым трудным был бой в Каса Эльто (Casa Elto) 14 декабря 1944 г. Была ночная атака, я взял свой резервный взвод, и мы наткнулись на минное поле. Мины были размером с кирпич и отрывали людям ступни и ноги. Справа от меня был сержант Фаук (Fowke), он наступил на мину и погиб, слева от меня еще один парень подорвался и был убит. Казалось, стоило нам сделать шаг вперед, и кто-то подрывался на mine и погибал. Где-то над нами проносились пулеметные очереди. Я расслышал, как немцы переговариваются друг с другом. Шел снег, видимость была неважная. По какой-то канаве мы незаметно проползли вперед на нужное расстояние, перегруппировались, и перебили немцев, оставленных за спиной.

Когда идешь в атаку ночью, один из четырех попадает в разряд убитых и раненых. Поведешь 120 человек, 30 из них не будет к завтраку.

У вас есть ранения?

Только царапины, ни одного ранения. Как-то оглушило на целую неделю, еще неделю мучили головные боли, но остался в строю.

А что-нибудь еще можете вспомнить из трудных ситуаций? Типа того, как вы застряли на минном поле?

Ха-ха. Вспоминаю смешную историю. Каждую ночь мы ходили в атаку, и у нас был парень, который куда-то исчезал, а потом всегда появлялся у полевой кухни. И дезертирство ему невозможно было пришить, потому что доказать это было невозможно. Он всегда говорил, что заблудился в темноте. Ну мы говорили ему: «Попытаешься удрать, мы тебя пристрелим.» Так или иначе, но однажды ночью он был ранен в ногу. Санитары положили его на носилки, но тут появились двое немцев. Санитары показали на свои повязки с красным крестом, но немцы открыли огонь, и санитары бросились наутек. И тут этот раненый обогнал их! Вот такая рана ...

Как вы можете охарактеризовать солдата-киви, с которым вы служили бок об бок?

В основном, у нас служили добровольцы, это был дисциплинированный народ, более дисциплинированный, чем Оззи (*Aussie – австралийцы – ВК*). Мои ребята были инициативными. Новозеландцы гордились собой. Австралийцы вели себя так, будто все здесь принадлежит им, а новозеландцы так, будто им до фени, кому что принадлежит.

Оригинальный текст и фотографии без специальных ссылок -

<http://www.kiwiveterans.co.nz/when-youve-got-a-job-to-do-you-do-it>

Прочие ссылки

<http://uboat.net/men/commanders/1009.html>

Перевод и обработка – Владимир Крупник

Возврат на главную страницу www.warsstory.org